

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 141—150.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 141—150.

Научная статья

УДК 1:316

DOI: 10.46726/И.2022.3.15

ФЕНОМЕН СОЗНАНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Елена Николаевна Шульга

Институт философии РАН, г. Москва, Россия, elena.shulga501@gmail.com

Аннотация. В фокусе внимания автора статьи находится сознание как фундаментальное понятие, указывающее на способность человека к обобщениям, рациональным выводам, систематическому знанию и к познавательной деятельности. Отмечено, что многообразие характеристик заставляет ограничивать представления о проявлениях сознания, определяя последнее исходя из предписываемого ему смысла. Автор особо останавливается на специфике когнитивной психологии, которая связывает феномен сознания с осведомленностью о событиях, о стимулах окружающего мира и о познавательных явлениях, таких как воспоминания, мысли, телесные ощущения. Показано, что философы разных эпох описывали сознание, прежде всего, исходя из соотношения внутренне осознаваемой деятельности с познанием, а познание — с полученным знанием. Так, живой интерес к этому процессу у древних мыслителей проявлялся в поиске конкретного местоположения памяти и знания. В рамках компаративного подхода соотносена позиция древних египтян (разделявшаяся и греческими философами, в частности, Аристотелем), полагавших, что знания находятся в сердце, с точкой зрения Платона, который полагал, что именно мозг является средоточием мысли. Зафиксировано, что философы последующих эпох связывали феномен сознания с проявлением сверхчувственного в человеке, принцип организации которого лежит в основе бытия. Сделан вывод, что это дало толчок для формирования методологии, способной описать феномен сверхчувственного в терминах, адекватных миропониманию конкретной эпохи.

Ключевые слова: сознание, познание, знание, смысл, методология, Платон, Аристотель

Для цитирования: Шульга Е.Н. Феномен сознания и методология его исследования // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 141—150.

© Шульга Е.М., 2022

2022. Вып. 3 •

Original article

PHENOMEN OF CONSCIOUSNESS AND THE METHODOLOGY OF ITS STUDY

Elena N. Shulga

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, elena.shulga501@gmail.com

Abstract. The author focuses on consciousness as a fundamental concept that indicates a person's ability to generalization, rational conclusions, systematic knowledge and cognitive activity. It is noted that the variety of characteristics makes it necessary to limit ideas about the manifestations of consciousness, defining the latter based on the meaning prescribed for it. The author especially dwells on the specifics of cognitive psychology, which connects the phenomenon of consciousness with awareness of events, the stimuli of the surrounding world, and cognitive phenomena such as memories, thoughts, bodily sensations. It is shown that philosophers of different epochs described consciousness, first of all, proceeding from the correlation of internally conscious activity with cognition, and cognition with the received knowledge. Thus, a keen interest in this process among ancient thinkers manifested itself in the search for a specific location of memory and knowledge. Within the framework of the comparative approach, the position of the ancient Egyptians (shared by Greek philosophers, in particular, Aristotle), who believed that knowledge is in the heart, and the point of view of Plato, who believed that the brain is the focus of thought, are correlated. It is recorded that the philosophers of subsequent eras associated the phenomenon of consciousness with the manifestation of the supersensible in human, the principle of organization of which underlies being. It is concluded that this gave impetus to the formation of a methodology capable of describing the phenomenon of the supersensible in terms that are adequate to the worldview of a particular era.

Keywords: consciousness, cognition, knowledge, meaning, methodology, Plato, Aristotle

For citation: Shulga E.N. Phenomen of consciousness and the methodology of its study, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 141—150.

Введение

Одно из актуальных направлений современных научных исследований связано с поиском оснований того конкретного знания, которое оказывается в центре внимания ученых и исследователей или о котором размышляют философы. Интерес к проблеме обоснования научного знания, а также к поиску его оснований у самих ученых возникает в тех случаях, когда результаты исследований выходят либо на уровень философских обобщений, либо выдвигаемые идеи и отдельные положения (например, внутри научной теории) приобретают философский смысл или даже статус философского знания. Именно на этом уровне развития научного знания возникает необходимость рассуждать о его философских основаниях.

Наряду с общепризнанным разделением знания на естественнонаучное, социально-гуманитарное и философское, остаются открытыми вопросы методологического характера. В особенности это касается изучения сложноорганизованных объектов, сущность которых ускользает и / или требует определенности в формулировании проблемы, нацеленной на понимание природы

такого рода объектов. В полной мере это касается и проблематики сознания, трудные вопросы которого оказывались в центре внимания тех, кто пытался постичь природу вещей на их сущностном уровне.

Следует обратить внимание на то, что любые попытки постичь природу человеческого сознания неизбежно приводят к вопросу о специфике функционирования сознания, его структурной организации. Вместе с тем не лишены эпистемологического смысла исследования различных типов, форм и способов проявления сознания, его генезиса, изучение осознанной деятельности человека, рассматриваемой в социальном или культурно-историческом контекстах. Наконец, важным вопросом познания специфики функционирования человеческого сознания является язык, которым мы описываем этот феномен [Калинин, Портнов]. Но не только собственно язык описания функций сознания важен для понимания его сущности, но и признание изначальным того факта, что именно сам человек осознает и задает постановку тех задач, которые можно аксиоматически постулировать через объяснение таких феноменов, как умственная, эмоциональная и смыслообразующая деятельность человека. В скобках замечу, что именно эти феномены: умственная деятельность, эмоциональная сфера и способность придавать смысл наблюдаемым явлениям, вещам и процессам создают то конкретное проблемное поле исследований, о котором говорят П.Е. Калинин и А.Н. Портнов в связи с языком описания сознания.

Таким образом, очевидная множественность аспектов изучения сознания требует ответа на вопрос: в границах каких дисциплин будет обсуждаться проблематика сознания — с точки зрения естественнонаучного, социально-гуманитарного или философского знания? Выбор направления исследований и базовый материал, на который будет опираться ученый, как раз и определяет адекватный подход к сознанию и выбор наиболее эффективных методов его исследования. При этом полученные результаты, к какой бы конкретной области знания они не относились, будут обладать философским значением уже только в силу того, что направлены на познание природы человека со всеми его родовыми признаками, выделяющими его из окружающей среды или рассматриваемыми как культурно-исторические феномены. Во всех случаях проблематика сознания, по сути, междисциплинарная, приобретает общефилософскую направленность, поскольку восходит к обоснованию философского учения о человеке.

Важным ракурсом учения о человеке является определение роли языка при построении знаковой системы, а также рассмотрение языка как средства коммуникации и межкультурного общения. Оба аспекта затрагивают традиционные для философии вопросы соотношения языка и мышления, познания и понимания, знания и выяснения условий его осуществления. Исторически зарождение этой проблематики мы относим к эпохе античности, когда начал оформляться понятийный язык философии, и одновременно с этим получили распространение систематические учения и вполне обоснованные философские концепции, связанные с представлениями о человеке, его мышлении и специфических способах выражения такого рода знания. Поэтому, прежде чем рассматривать проблему, связанную с языком описания сознания, рассмотрим некоторые философские концепции, подготавливающие наши современные представления о сознании как феномене и о становлении методологии его исследования.

Античные философы о человеке и специфике его познания

Характер поставленных проблем возвращает нас к той далекой исторической эпохе, когда философы еще не рассуждали о предмете философии, но высказывались о «первых началах», организующих все, что окружает человека: природа, Вселенная, видимый мир и невидимые внутренние сущности вещей или *эйдосы* предметов. Со временем, обратившись к человеку и к вопросам познания, отталкиваясь в своих рассуждениях от принципа «*Познай самого себя*», греческие философы искали способы объяснения процесса познания и при этом стремились выявить необходимые условия получения знания, придавая им конкретный или общепhilosophический смысл.

Образцы понимания природы человека, выраженные в языке отвлеченных философских понятий, постепенно формировали образ человека думающего, рассуждающего, действующего. Первые и достаточно продуктивные попытки найти определения, имеющие отношение к субъективной познавательной способности человека, к его нравственному опыту нашли отражение в понятии души. Причем душа являлась, прежде всего, эмпирическим понятием, ассоциируемым с множественным проявлением человеческого «Я», т. е. с тем, что мы сегодня называем сознанием и самосознанием. Между тем уже Платон устами Сократа в диалоге «Критон» (47e—48a) говорит о душе как о сущности, сопряженной со способностью к справедливости или несправедливости, и при этом демонстрирует веру в бессмертие души. Наконец, в «Федре» [Платон 1993] он выстраивает целую аргументацию, утверждая догмат о существовании души до рождения человека. Эта идея перерастает затем в концепцию «припоминания», эпистемологическое значение которой состоит в уверенности, что душа любого человека, кем бы он ни был, обладает знанием. Отсюда следует и задача практикующего философа-мудреца, связанная с майевтикой — «вытягиванием» знания в ходе беседы или посредством правильного ведения диалога. Рассуждая в этом направлении дальше, Платон приходит к убеждению, что познание, именуемое припоминанием, делает знание явленным благодаря ощущению и мысленному представлению — именно таким путем формируется мнение, в том числе — истинное.

Множественные ощущения, согласно раннему Платону, не воспринимаются каким-то особым органом, но постигаются исключительно душой, которая характеризуется как внетелесная сущность и, одновременно, как вместительница знания. В более поздних диалогах, написанных в зрелом возрасте, Платон говорит уже об истинном познании как о познании разумом так называемых умопостижимых истин, обнаруживаемых человеком в самом себе. Именно благодаря «обнаружению» в самом себе такого рода истин человек получает «знание», именуемое отныне “episteme”, и это уже не то эмпирическое знание, к которому относятся частные сведения или даже исторические факты, но истинное знание.

Признавая чувственное восприятие в качестве основы познания и необходимого условия знания, Аристотель в первых же строках «Метафизики» подчеркивает мысль о том, что все люди от природы стремятся к знанию, и доказательством тому — влечение к чувственным восприятиям [Аристотель: 5]. По Аристотелю, понятие души «едино», но чтобы понять точку зрения Аристотеля, нужно сравнить ее с концепцией его учителя Платона, который различал три вида души — познавательную (или разумную), раздражительную и способную к вожделению [Платон 1994]. В свою очередь, Аристотель

говорит о различных душах лишь в переносном смысле, а точнее говоря, в условном значении, понимая под ними лишь различные функции проявления единого начала, каковым как раз и является душа.

Он признавал, что наряду с чувственными качествами как предметами ощущения для отдельных органов чувств, существуют еще и общие качества: движение, покой, величина, фигура, число и единство. Для понимания общего смысла этих перечисленных качеств у человека нет особого органа; они ощущаются акцидентально при любых ситуациях, но постигаются так называемым «общим чувством», которое выше известных нам пяти чувств и которое мы сегодня связываем с «предпониманием». Эту интеллектуальную способность можно характеризовать еще и как «постигающее схватывание», предшествующее пониманию. В терминологии Аристотеля — это слово “*noyus*”.

Далее в иерархии воспринимаемых человеком «общих свойств» и «общих качеств» предстает способность, которую Аристотель называет словом «*фантасма*». Рассуждая об этой удивительной способности, известный отечественный философ и историк науки В.П. Зубов подчеркивает, что «это не фантазия или воображение в современном смысле, а скорее способность представления, соответственно и слово *фантасма* означает самое представление, или чувственный образ предмета, существующий в нас и при наличии, и при отсутствии самого предмета» [Зубов: 184]. Интересно отметить и тот факт, что Аристотель неоднократно проводил параллель между ощущением и умом, между ощущениями и фантасмами, различая и соотнося между собой ум и умопостигаемость. При этом философ был весьма категоричным, утверждая, что «нельзя мыслить без фантасмы». Другими словами, нельзя помыслить о предмете, не имея в своем уме представление об этом предмете, образ этого предмета, даже если этот предмет отсутствует в реальности.

Конечно, Аристотель ничего не говорит о сознании в современном нам смысле, но он использует вполне ясные и не двусмысленные понятия: «мыслящая душа», «ум». Так, во фрагменте трактата Аристотеля «О душе», который приводит в своей монографии В.П. Зубов, находим такое утверждение: «И так как ум мыслит все, ему необходимо быть не смешанным ни с чем, по выражению Анаксагора, чтобы властвовать, т. е. познавать... Поэтому немислимо уму смешиваться с телом. Ведь тогда он оказался бы обладающим каким-нибудь качеством — холода или тепла — и тогда у него оказался бы какой-нибудь орган, подобный органу ощущения; в действительности же такого нет» [Зубов: 192]. Характеризуя этот отрывок с современных позиций, не трудно заметить, что речь здесь идет об уме как сверхчувственном феномене и о мышлении, ассоциированном непосредственно с познанием, для которого нет телесного местонахождения именно потому, что и познание сверхчувственно.

Сравнивая используемые Платоном и Аристотелем методы, следует подчеркнуть, что Аристотель никогда не использовал форму диалога и вопросно-ответного метода, которым пользовались Сократ и Платон. Между тем Аристотель писал так, словно обращался к конкретной аудитории. Редко он говорит от себя и в первом лице, используя этот прием только в том случае, когда необходимо обратить внимание на что-то очень важное или что-то новое в противовес иным мнениям. Еще реже он говорит в категоричной форме, подчеркивая, что высказывает лишь вероятные суждения.

Рассуждая о человеке и специфике процесса познания, Аристотель убежден, что познание (как и знание) начинается с чувственного восприятия,

затем восходит к выделению единичной субстанции, затем вида и, наконец, рода. В качестве примера он использует образ Сократа и выстраивает следующую схему: Сократ — человек — живое существо. Тем самым имя (предмета), вид и род как формы общего составляют целостное знание, формирующееся в его движении от частного к общему, и такая схема развития (восхождения) мысли как раз и составляет основу научного познания. В скобках замечу, что иногда Аристотель определяет способность человека воспринимать знания как простую сообразительность. Суть сообразительности в том, чтобы мгновенно найти нужный термин, объясняющий изучаемый предмет. Современные психологи называют этот способ выражения осевшей человека мысли или идеи термином «озарение», соотнося тем самым процесс смыслообразования с тем, как подобные представления о деятельности мышления (разума) и чувств соединяются в единое понятие, способное объяснить суть такого рода явлений человеческой психики.

Обсуждая стиль отдельных философов, мы тем самым приближаемся к решению поставленной в начале статьи задачи — к «языку описания», который использовали эти философы. В частности, речь идет о языке и смысле тех понятий, которые употреблял Аристотель, характеризуя умственную деятельность, эмоциональную сферу и смыслообразование. Что касается умственной деятельности, то мы уже описали ее, приводя примеры использования тех специальных понятий, которые находим в текстах Аристотеля. Кроме того, философ не вводит в свой лексикон термины, заимствованные из других языков, используя слова исключительно греческого происхождения, выстраивая текст на материале родного языка и придавая понятиям тот смысл, который важен для понимания смысла конкретной мысли, высказанной идеи или для понимания смысла всего контекста. Например, в случае употребления понятия “*logos*” с его множественными смыслами или в примере, где Аристотель употребляет слово “*noys*”. В этом последнем случае речь идет об интеллектуальной способности, благодаря которой человек оказывается способным постичь условия и начала науки. Однако здесь следует пояснить, что, согласно Аристотелю, наука не может быть началом науки, как не может быть началом доказательства само доказательство. Здесь требуется когнитивный элемент другого уровня, т. е. такая интеллектуальная способность, которая как раз и обозначена понятием “*noys*”.

Эмоциональная сфера только на первый взгляд представляется закрытой областью. На самом деле Аристотель выстраивает свою аргументацию, противопоставляя понятия, и при этом он стремится найти срединный путь — нормальную середину, примиряя крайности в выражении человеческих страстей. Например, мужество и трусость у Аристотеля — это две крайности, две страсти. Средним между ними можно считать слово, близкое по смыслу русскому слову «бесшабашность». Между человеком гневливым и негневливым нормальную середину занимает человек спокойный. Аргументация Аристотеля предельно проста, и она иллюстрирует ход его рассуждений, подчеркивая, что относительно гнева может быть избыток, недостаток и середина.

Показательно, что в некоторых случаях Аристотель использовал в своей аргументации расхожие положения, употребляя термины с оглядкой на их традиционный и общепринятый смысл. Например, он пишет: «вряд ли встречаются люди слишком мало чуткие к наслаждению, а потому для подобных людей нет обозначения; назовем их бесчувственными» [Аристотель 2019]. Отсылка к упоминаемому тексту интересна с точки зрения содержащихся

в нем предписаний относительно поведения и выяснения оснований такого поведения, которое, по мысли Аристотеля, согласуется с представлением о добродетели как о Высшем Благе. Что значит быть добродетельным? Мы бы ответили: это значит осознавать свои поступки и их последствия. Аристотель же под добродетелью понимает жизнь в таких условиях, которые являются лучшими в плане воспитания в человеке способности и наслаждаться, и переносить страдания. В этике философ исходит из убеждения, что каждый человек хочет быть счастливым, стремится к благополучию и блаженству. Пути, ведущие к счастью, должны быть такими, чтобы формировать нравственный склад души, способный побуждать человека к действиям, направленным на достижение поставленной цели. При этом он должен отдавать себе отчет в том, к чему он должен стремиться, а чего избегать. Именно такой подход утверждает идею человека действующего, активного, способного отличать и соотносить свои цели и средства их осуществления.

Таким образом, рассматривая процесс познания, связанный с концепцией человека, представленной в философии Платона и Аристотеля, можно сделать вывод о том, что уже в недрах античной философской мысли зарождались представления, касающиеся понимания специфики процесса получения знания в результате познавательной деятельности человека. И хотя эти философы не говорили о сознании как о феномене в нашем современном его понимании, они, тем не менее, отчетливо представляли значение умственной деятельности в производстве тех смыслов общефилософского и научного значения, которые составили основу для будущих концепций и теорий. Важно при этом, что становление понятийного аппарата философии было неотделимо от решения тех конкретных задач, которые ставили перед собой эти философы, стремясь максимально приблизиться к пониманию сущности изучаемых процессов. В особенности это заметно, когда выясняется смысл базовых понятий, используемый философами для описания изучаемых ими процессов (познания, становления научного и философского знания).

Обращение к истории философии интересно для современных ученых и философов тем, что оно дает образцы построения концепций, показывая тем самым, как развивалось философское знание не только в смысле движения от натурфилософских представлений и понятий к собственно философским, но и в связи с методологией философского (научного) познания. Признавая оригинальность каждого из представленных здесь философов, мы должны проникнуть в специфику построения изучаемого нами философского текста, рассматривая его с точки зрения содержания текста и смысла каждого вводимого понятия, учитывая при этом, что у каждого из представленных философов имеется собственный стиль мышления и свой способ построения текста.

Современные концепции сознания

Следует заметить, что для современных философов перспективы изучения сознания связаны с обоснованием комплекса положений, которые можно рассматривать в качестве концептуальных основ философии сознания, что, безусловно, не снижает значение любых выдвигаемых гипотез или согласованных точек зрения при условии, что они хорошо аргументированы. Обобщение опыта исследований сознания уже сейчас позволяет сделать вывод о том, что сама проблематика продолжает вызывать интерес у философов науки в силу фундаментальности проблемы. Вместе с тем, наряду с изучением

сознания на междисциплинарном уровне, где привлекаются данные когнитивной психологии, психолингвистики, когнитивной нейронауки, искусственного интеллекта, для традиционной философии актуальным остается поиск методологических оснований философии сознания, поиск которых обусловлен не столько сложностью самого объекта, «сколько теми философскими установкам, которые представляются эффективными в понимании организации знания вокруг данного объекта» [Шульга: 360]. Другими словами, то, каким образом будет организовано знание о сознании, будет оформляться и использоваться специфический язык описания сознания. Эта задача согласуется с тем, о чем писали П.Е. Калинин и А.Н. Портнов, ориентируя исследователей на поиск конкретного языка описания сознания, предполагая, что этот новый язык будет найден современными эпистемологами.

Наряду с этой задачей, немаловажное значение для философии сознания имеет выбор эффективной методологии исследования сознания. На этом пути как раз и проявляется междисциплинарность такого рода исследований. Следовательно, встает вопрос участия философии с ее понятийным аппаратом, который непременно будет дополняться сведениями и результатами других наук, изучающих сознание и формулирующих собственные аспекты проблемы сознания. Интересным представляется, например, взгляд на сознание как на умственную деятельность или сферу эмоциональных проявлений человека, осознающего (или неадекватно оценивающего) свои действия. Такого рода вопросы, на самом деле, далеки от философии, поэтому мы не будем в данной статье уделять им специальное внимание. Ограничимся лишь упоминанием о том, что сознание, рассматриваемое как феномен ментальный, возвращает исследователей к тем идеям, которые принадлежат Декарту, который объединял ментальное с феноменальным при обосновании своей концепции самопрозрачности ума. Суть этой концепции состоит в том, что любые мысли, чувства и даже намерения, осознаваемые человеком — все образует сферу опыта, связанного с проявлением “*cogito*”. Из этого следует, что все, что относится к сфере ментального, на самом деле носит осознанный характер. Тем самым ментальное, по Декарту, это и есть сознательное.

В свое время Фрейд заговорил о роли бессознательного, усматривая связи между ментальными актами и действиями, намерениями и поступками человека. Движущей силой некоторых поступков, согласно Фрейду, являются непроявленные, скрытые желания, и они часто носят бессознательный характер. Именно с Фрейда началось смещение акцента в сторону психологической составляющей любых действий человека, включая психологическую и эмоциональную предрасположенность к определенному поведению, что дало толчок к соединению бихевиоризма и философии психологии.

Изучая сознательный опыт как некую данность и, одновременно, как свойство, ученые пришли к выводу о существовании связи между когнитивными процессами и тем, что их порождает. Речь идет о единстве феноменального и психического, которую помогает раскрыть, с одной стороны, чувственная составляющая нашего опыта познания, в том числе самого себя, а с другой — осознанное переживание человеком некоторых внутренних состояний (горе, радость, возмущение, успокоение, безразличие и т. д.). Объяснение этих состояний человека связано, в основном, с выяснением их причины, что, в свою очередь, предполагает использование поступающей извне информации, которая подвергается всестороннему анализу и оценке, осуществляемой,

как правило, самим человеком. На теоретическом уровне речь здесь идет о соотношении свойств психического характера и феноменального, выражаемого посредством выдвижения каузальных критериев и феноменальных понятий. Такая постановка проблемы приводит к рассмотрению «самосознания» как определенного феноменального состояния, по отношению к которому используются новые понятия, объясняющие это состояние. К такому относится термин «интроспекция», который указывает на полноту внимания и полного контроля над вниманием, самоконтроль человека над собственным состоянием сознания. Важно при этом, что человек способен сам давать себе отчет о состоянии интроспективного сознания, и этот способ объяснения можно рассматривать, например, в терминах осведомленности.

Дэвид Чалмерс отмечает: «Понятие осведомленности, разумеется, не является совершенно прозрачным, и для его прояснения может потребоваться серьезный философский анализ. Кроме того, здесь предстоит еще много сделать когнитивной науке, изучающей то, каким образом естественные и искусственные когнитивные системы могли бы функционировать таким образом, чтобы они оказались в состоянии осведомленности... Эти задачи будут в конце концов решены в ходе естественного развития когнитивной науки, опирающейся на надлежащего рода философский анализ» [Чалмерс: 50].

Однако и сама по себе философская концепция сознания превосходит любые естественнонаучные (или социогуманитарные) построения в этой сфере, поскольку философия обладает методологическим аппаратом, метафизичным по своей сути и в своей перспективе.

Заключение

Обращение к проблематике сознания выявило много интересных и перспективных направлений, связанных как с формированием понятийного философского языка, раскрывающего сущность процесса познания и способов получения знания (как мы это пытались показать на примере философии Платона и концепции человека Аристотеля), так и в связи с задачей обоснования философии сознания, рассматриваемой на самой ранней стадии ее формирования. Выбор этих философов не случаен. И хотя их позиции в чем-то согласуются, а в чем-то разнятся, важный вывод, имеющий эпистемологическое значение, связан с описанием сверхчувственного в человеке, что нашло объяснение именно у этих выдающихся философов. Современные концепции сознания, даже в столь коротком обзоре, все же показывают, что сама проблематика сознания становится настолько сложной, что требуется определить, в контексте каких конкретных наук (может быть, совместными усилиями так называемых смежных дисциплин) будут рассматриваться все новые и новые возникающие вопросы проблематики сознания. Для философа важно учитывать не только особо выдающиеся научные результаты исследования сознания как объекта, но, в первую очередь, речь должна идти о методологическом статусе философии применительно к оценке результатов, полученных учеными. Поэтому следует согласиться с точкой зрения Чалмерса, когда он подчеркивает роль когнитивных наук в описании сознания, опирающихся на философский анализ.

Список литературы / References

- Аристотель. Метафизика. М.: Эксмо, 2015. 448 с.
(Aristotle. *Metaphysics*, Moscow, 2015, 448 p. — In Russ.)
- Аристотель. Этика. М.: Эксмо, 2019. 320 с.
(Aristotle. *Ethics*, Moscow, 2019, 320 p. — In Russ.)
- Зубов В.П. Аристотель. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 367 с.
(Zubov V.P. *Aristotle*, Moscow, 1963, 367 p. — In Russ.)
- Калинин П.Е., Портнов А.Н. Проблемы языка описания сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 2. С. 8—36.
(Kalinin P.E., Portnov A.N. Problems of the language of description of consciousness, *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2009, iss. 2, pp. 8—36. — In Russ.)
- Платон. Государство // Платон. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 79—420.
(Plato. *The Republic*, Plato. *Coll. works: in 4 vols*, vol. 3, Moscow, 1994, pp. 79—420. — In Russ.)
- Платон. Федр // Платон. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 135—191.
(Plato. *Phaedrus*, Plato. *Coll. works in 4 vols*, vol. 2, Moscow, 1993, pp. 135—191. — In Russ.)
- Чалмерс Д. Сознание: ум: В поисках фундаментальной теории: пер. с англ. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 512 с.
(Chalmers D. *Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*, Moscow, 2013, 512 p. — In Russ.)
- Шульга Е.Н. Концептуальные основы философии сознания // Проблема сознания в междисциплинарной перспективе / под ред. В.А. Лекторского. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 360—366.
(Shulga E.N. Conceptual foundations of the philosophy of consciousness, *The problem of consciousness in an interdisciplinary perspective*, Moscow, 2014, pp. 360—366. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.04.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 01.06.2022.

The article was submitted 22.04.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 01.06.2022.

Информация об авторе / Information about author

Шульга Елена Николаевна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, г. Москва, Россия, elena.shulga501@gmail.com

Shulga Elena Nikolaevna — Doctor of Science (Philosophy), Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, elena.shulga501@gmail.com